

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 "3-го открытого Чемпионата Балтии по русской поэзии - 2014" членом Жюри финала конкурса. Лучшие 10 стихотворений Чемпионата будут объявлены Оргкомитетом 6 июня 2014 года.

1 место

[МАРКИНА Анна, Климовск \(Россия\)](#)

Слон

Приходит человек в больницу,
суется в нужное окно,
но все без толку, все без толку -
теперь там принимают только
слонов.

И человек уже боится,
он ждет устало у окна,
он ждет, когда отправят на,
он прямо чувствует в себе
слона.

Приходит человек в больницу,
ему необходим талон,
он просит, просит, просит, просит
его принять. Он, дескать, просто
нечетковывраженный слон.

В регистратуре говорят:
пришли вы зря, пришли вы зря,
ведь вы же слон,
ведь вы больны.
Сидели б дома до весны,
как все приличные слоны.

И человек трубит в окно:
не понимаю я одно -
куда тогда деваться нам,
добропорядочным слонам!?

В регистратуре говорят:
такой закон, такой уклон,
мы Вам простили б, что Вы слон,
Но, откровенно говоря,
Вы с середины октября
по нашим записям, увы,
мертвы.

Рекомендуем уходить,
касторку пить, махать хвостом,
рекомендуем приходить
потом.

Так что, приятель, будь здоров!
Нам не до умерших слонов.

И человек идет домой,
полулябой, полуживой,
идет, идет он дотемна,
несет в себе домой, домой
большого мертвого слона.

2 место

[КОПЫТОВА Елена, Рига \(Латвия\)](#)

«Незачёт»

...в этот двор вернуться – в свое начало. Во дворе – пернатая чехарда.
Мой бумажный кораблик приплыл к причалу; на борту написано «НЕ БЕДА».
Ерунда написана – не «ПОБЕДА». Поделом мне, в общем-то, поделом!
...а кому-то мама кричит: «Обедать!» – Всё такой же двор. И такой же дом –
неизменно-жёлтый, пятиэтажный. Из окна открытого – чей-то взгляд...

это мой ровесник – такой вчерашний и бесстрашный как... тридцать лет назад.
У моих ровесников всё достойно. Наступает срок собирать плоды...
От чего ж не завидно и не больно? – Совершенно искренне – «до звезды»!

И в пустых карманах ветрам не тесно, но судьба-зануда опять ворчит –
говорит, такие, как я – не к месту. Посылает к чёрту на куличи.
Говорит, что каши со мной не сваришь, что и бесу не надо такой родни! –
Я, как волк тамбовский – плохой товарищ. Тут и спорить не о чем. Извини. –

И слова в висках – как удары гонга. И опять за пазухой – ни шиша.
И помятым шариком для пинг-понга под подошвой жизни хрустит душа.
И опять до ужаса неохота колошматить рифмами наугад
ветряные мельницы Дон Кихота – те, что машут крыльями и... летят...

И от этого вряд ли найдётся средство. Не по всякой шкуре судьбы клеймо.
...хорошо сидеть на скамейке детства, где такое вкусное «Эскимо»,
всё, что всуе сказано, забывая. Да и то, что было, теперь не в счёт.
Вот и всё. Бывает же так... бывает.
«Незачёт» по жизни мне... Не-за-чёт.

3 место

[ЛЕРНЕР Татьяна, Риммоним \(Израиль\).](#)

Ладушки

Над нашей грушей кружатся шмели,
огромные, почти с твою ладошку.
Промчались громкой стаей кобели
за сучкой или заблукавшей кошкой.
Декабрь – а по-весеннему тепло.
И, кажется, природа обманулась,
прибавив солнца. Слышит всё село
переживанья двух соседских куриц:
«Гляди, снеслась!» «И я, гляди, гляди!»
(конечно, на иврите). Перегрета
земля, но долгожданные дожди
висят за головами минаретов
на ближней горке. Груша зацветёт
вот-вот. Не как обычно, к ту-би-швату.

А где-то там справляют Новый Год
весёлые и пьяные ребята,
лопатами отбрасывая снег
с дорожек. День короткий иссякает,
шипит на сковородке чебурек,

в стаканах – по сто пятьдесят токая,
поскольку водка кончилась, а нрав
велит залить пылающую нежность
ко всем рожденным от чужих шалав.
Но – семьи, праздник, быт и неизбежность
зовут лопатить. Боже, сохрани
отважных этих, ветреных и вьюжных.
Не знают сами, что творят они.

От груши тень – неровная окружность –
их не включает. Их не помнит шмель,
о них не плачет дождь, не шепчет строчка.
Здесь полдень сладок, словно карамель.

Мы ладушки разучиваем с дочкой.

4 место

[МАРКИНА Анна, Климовск \(Россия\)](#)

Я жила в каморке...

Я жила в каморке. Тополя шелестели сладко.
А в каморке не было пола и некуда было сесть.
И в виду отсутствия мест для любой посадки
всем гостям приходилось в воздухе повисеть.

Приходил отец, летал и рыдал обильно,
жарил рыбу и сверху слезами, слезами капал...
Извинялся, - мол, не очень тебя любил, но...
но зато, как ловко пожарил карпа!

Приходила мать. Кто поймет ее, кто поймет?
Проходяща мать, как дождь за твоим окном.
Говорит, улетаю к солнцу я собирать там мед,
и говорит, что солнце красиво опылено.

Забегал дружбан, перепачкан, смешон, сутул,
загребал в воздушных волнах руками пьяными,
щелкал семечки, убеждал прикупить хоть стул,
мол, итак полжизни в пролетающем состоянии.

Я пошла в Икею, выбрала табурет,
отдала всего четыреста пятьдесят рублей,
прихожу, смотрю, а друга уже и нет,
прихожу, смотрю – ни мамы, ни папы нет,

только пух набежал с уличных тополей.

5 место

[МАРКИНА Анна, Климовск \(Россия\)](#)

Был у меня соседик...

Был у меня соседик, зацикленный на вещах.
Все что ни брал он просто, просто не возвращал.
Даже когда в квартиру шли ему дать по щам,
он зеленел тихонько, но денег не возвращал.
Был он тогда женатый, слушала я жену:
дескать, любви давала – ни капельки не вернул.
Я говорю – и я вот ему одолжила стул,
он мне от стула тоже ни щепочки не вернул.
Встретились мы с соседом. Плакался он: беда...
столько дано, мол, счастья, надо чуть-чуть отдать.
Он протянул мне, было, счастье, – не в долг, а в дар –
но убежал внезапно, просто не смог отдать.
Был у меня соседик, еле уже дышал,
столько скопил он пыли – на целый всемирный шар.
Бывшей жене в апреле вышел купить он шаль,
шел в магазин и лопнул. Совсем, как воздушный шар.

6 место

[КОПЫТОВА Елена, Рига \(Латвия\)](#)

Памяти мамы

...и когда онколог развёл руками... и хлестнула чёрная полоса
по судьбе... и дымными облаками занесло больничные корпуса –
в жуткий миг, когда умерла надежда, и пахнуло ужасом и концом,
этот мир остался таким, как прежде! – Так хотелось плюнуть ему в лицо!

...и меня шатало – от слёз и водки. Сигаретный пепел летел в глаза.
Пьяный двор качался разбитой лодкой.
– Мама, сколько нужно тебе сказать!
Сохранить тебя – до последней пяди!
...а потом... моя неживая тень наступала на ноги тем, кто сзади –
в похоронный хмурый осенний день.

Только боль – по горло, тоска – по пояс,
да в пустынном небе – никчёмный свет.
Так чего-то ждёшь, опоздав на поезд,

и ненужный держишь в руке билет...

.....
...и опять рождается по привычке
новый март, готовый пуститься вскачь.
Акварельно, ветрено и синично!
Несомненно, время – хороший врач.

Но со мной – мои «болевы́е точки». И как нерв искрящий – моя звезда,
невзначай застрявшая в междустрочье. И «кривая» вывезла не туда.
И до боли ясно – не быть Поэтом (что ни слово – рублено топором)...
– Только, мама... где же твои заветы?
Где-то там – у вечности под ребром?

Ты прости, во мне тебя слишком мало, я хочу не сбыться, а просто – быть.
Не смогу я жить по твоим лекалам, не сверну с дороги своей судьбы.
Я – чужой Вселенной слепой осколок, потерявший веру в благую весть.
Если Бог безмолвствует, как онколог, как-то глупо спрашивать: «Шансы есть?»...

7 место

[КОПЫТОВА Елена, Рига \(Латвия\)](#)

Крепкий орех

...только мама и ты. И весна на дворе.
Воздух детства, звенящий, как спелый арбуз.
Слово «Родина» – крепкое, точно орех –
не распробуешь с первого раза на вкус.

...середина пути. И дождём осаждён
серый город, дрейфующий в талой воде.
Так бывает: годишься не там, где рождён...
а бывает... и вовсе не годен нигде.

...и трясе́шься в вагоне – судьбе ли назло? –
Вот и дерево кроной глядит на восток. –
Так подбитая птица встаёт на крыло,
безнадёжно ловя восходящий поток.

...а тебе говорят: «Так ведь это – твой дом!» –
ножевые слова – как удары серпа.
Слово – крепкий орех, да вот только потом...
от него остаётся одна скорлупа.

...и царапаешь душу в густой трын-траве.
Но с тобой пуповиной земли сплетены –

вместо матери – крест, вместо Родины – две
совершенно чужих бесприютных страны...

8 место

[СКОРЕНКО Тим, Москва \(Россия\)](#)

История X

Завтра война доберётся до нас, мой хороший. Завтра, мой мальчик, объявят о том, что грядёт. Так что прости, но отныне я буду чуть строже, чуть беспокойнее, чуть истеричнее, может, это поможет, избавит, спасёт от невзгод. Выключи радио, звук начинает вгрызаться в мякоть диванную, в старый настенный палас, в фотообои, в настенную карту Эльзаса — так, что уже через час начинает казаться, будто немецкие танки въезжают в Эльзас.

Всё, как обычно, — по радио утром сказали — люди стреляют друг в друга без всяких причин. Вот тебе франк на кино. В затемнившемся зале просто смотри, как Астер подпространство взрезает. Просто смотри, как танцует Астер, и молчи.

Будет война номер два, номер три, номер десять. Будут война за войной пожирать этот век. Тысяча жертв каждый час, каждый день, каждый месяц; даже на Бога такую вину не повесить, пусть она — просто случайный побочный эффект. Будет война в азиатских промасленных джунглях, будет война в раскалённых песчаных морях, медь заржавеет, листы броневые пожухнут, время закончится чем-то бессмысленно жутким, холодом вечной зимы, тишиной декабря.

Солнце скрывается. Вечер склоняется к ночи. Радио давится шумом серийных помех. Вот тебе франк — заскочи за багетом, а впрочем, просто смотри, как Астер залихватски хохочет. Просто смотри и с собой захвати этот смех.

Льются из медных тромбонов свинцовые струи,
выглядит мутным экран из-под влажных очков.
Джинджер танцует, ритмично паркет полируя,
Джинджер взлетает под ритм пулемётных щелчков.
Душит зенитная музыка гамбургских башен,
рёв самолётный дерёт на волокна струну.
Фред безупречен, безумен, бесстрастен, бесстрашен,
каждым наигранным па отрицая войну.

Цокот чечётки. Усталость во взгляде тирана.
Круг на крыле. Опалённый пожаром рассвет.
Нет ничего за пределами киноэкрана.
Есть только Фред. Не забудь — только Джинджер и Фред.
Нет ничего.
Смерти нет.

Смерти нет.
Смерти нет.

9 место

[ФЕЛЬДМАН Елена, Балашиха \(Россия\)](#)

Прохожий

Иисус сказал: Будьте прохожими.

(Евангелие от Фомы, 47)

Еще бывает так: придешь домой,
все вещи на местах, но дом – не твой,
и хлеб тебе печет жена чужая,
по имени тревожно называя.
И эти дети тоже не твои –
они тебе даны на краткий миг,
взаимы,
на подержание в ладонях.
Ступаешь в море, а ступня не тонет,
глотаешь воздух, а во рту песок,
и неумолчный дребезжащий ток
пронизывает зримое пространство.
Трава шлифует камень.
Постоянство исчезло как понятие.
В окне желтеет не пейзаж, а подмалевок.
Глядишь во двор, печален и неловок,
и видишь не дубы, а пустоту,
естественно сквозящую меж ними.
Глаза твои ли сделались другими,
природа ль говорит начистоту?
Поставишь в угол посох или трость –
и вдруг поймешь всей задубелой кожей,
что ты здесь не хозяин, а прохожий,
благословенный
безымянный
гость.

10 место

[СКОРЕНКО Тим, Москва \(Россия\)](#)

Супергерой

Ни шатко, ни валко. Всё тянется, как концлагерь,
Железная койка, скрипучая благодать.
Не якорь я бросил, спустив понарошку флаги,
А врос по колено — не выкопать, не продать.
Во сне ко мне ходят красавицы цвета меди,
Но я не хочу их – и знаешь, какой ценой?
Я просто хочу быть медведем. Стальным медведем
С глазами из бусин и крыльями за спиной.

Иду себе по лесу. Пялюсь на глупых зайцев.
Беру их в охапку, в берлогу несу, пою.
Стелю им постель, декламируя поабзацно
Какую-то сказку. Естественно, не свою.
Я был безнадежен, расколот, разбит, распорот —
А зайцы спасают, сшивая по лоскутам.
Внутри у меня бесконечность, и лес, и город,
И мало ли что ещё может скрываться там.

И если ты, сволочь, посмеешь зайчонка тронуть,
Посмеешь засунуть сюда свой запил свиной,
То лучше последнего, сука, не трать патрона —
Храни для себя, я уже за твоей спиной.
Аз есмь омега и альфа, с конца к началу,
Аз есмь апостол, архангел, архипелаг!
Заткните хлебала, а то отомкну рычало —
И тут не помогут ни бимы, ни купола.

Простите меня. Разошёлся. Увлёкся малость.
Заснули зайчата. К финалу приплыл рассказ.
Встаю — непомерный, огромный, свирепо скалюсь,
Чуть слышно скрипит недосмазанный мой каркас.
И я возвращаюсь обратно — а как иначе? —
К железной постели, к темнеющей полосе,
Где нужно проснуться, услышав, что кто-то плачет,
А лучше, как требует совесть, — не спать совсем.

